

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163797-810>

Басирова Карина Касумовна,
младший научный сотрудник
Институт истории археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
karina_basirova@mail.ru

НАРОДНАЯ МУЗЫКА И ТАНЦЫ КАК СРЕДСТВО ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ДЕТЕЙ

Аннотация: В данной статье с точки зрения этнографической науки рассмотрено, трудовое, физическое воспитание детей средствами народной музыки и танцев. В статье показаны этнографические примеры успешного воспитания детей посредством народной музыки (песни, танца), использование самобытных музыкальных жанров, национальных инструментов, мелодий, танцев, танцевального и песенного этикета, который частично сохраняется и в настоящее время. Подчеркнута важность сохранения национальных традиций, в том числе и музыкальных, проведения осознанной культурной политики. Показано, что техника исполнения любого танца и песни в Дагестане неразрывно связана с процессом воспитания детей. Раскрыта специфика и роль этно-музыкальных традиций в многоуровневой структуре идентичностей народов Дагестана.

Ядром музыкальной культуры дагестанских народов выступают ритм (временной фактор музыки) и интонация (высотный фактор), обусловившие прочность инструментальной и танцевальной традиций. Песня и танец, чабанская свирель, призыв «зурнача» и дробь барабана всегда сопровождали жизнь горцев. Танец горцев – «лезгинку» – можно назвать национальным, народным, так как без него не проходит ни один праздник в Дагестане. Большое значение имеет приобщение маленьких детей к национальной культуре, к традициям дагестанского народа, к его духовным ценностям посредством музыкальной культуры. Включение спектра музыкальной культуры в контекст культурной политики способно обеспечить эффективность социокультурного развития региона.

Ключевые слова: детский цикл; эстетическое воспитание; народы Дагестана; музыкальные инструменты; народная музыка; танцы; мелодии; ритмы; художественные средства.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163797-810>

Karina K. Basirova,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
karina_basirova@mail.ru

TRADITIONAL MUSIC AND DANCES AS MEANS OF EDUCATION OF DAGESTAN CHILDREN

Abstract. The paper examines work training, physical upbringing of children with the use of national music and dances from the ethnographic standpoint. The paper provides examples of successful education of children through national music (songs, dances), the application of original musical genres, national instruments, melodies, dances, dance and singing etiquette, which are partially preserved to this day. The importance of preserving national traditions, including musical ones, as well as conscious cultural policy are highlighted. The technique of performing dances and songs in Dagestan is inextricably linked with the process of upbringing children. The features and the role of ethno-musical traditions in a multilayered stratum of identities of Dagestan peoples are revealed.

The core of the musical culture of Dagestan peoples lies in the rhythm (temporary musical factor) and intonation (high factor), which conditioned the integrity of instrumental and dance traditions. Songs and dances, chaban's pipe, the call for "zurnach" (zurna player) and drum rolls always accompanied lives of the mountaineers. The mountaineer's dance "lezginka" can be considered national, since no festival in Dagestan would pass without it. Of great importance is the familiarization of young children with the national culture, traditions of the Dagestan peoples, their spiritual values through musical culture. The inclusion of the spectrum of musical culture in the context of cultural policy can ensure the effectiveness of the socio-cultural development of the region.

Keywords: children cycle; esthetic education; peoples of Dagestan; musical instruments; folk music; dances; melodies; rhythm; artistic means.

В воспитании человека особое место принадлежит музыке. «Музыка, — пишет Шостакович Д.Д. — сопровождает человека всю жизнь, в ней он находит выражение самых высоких чувств и самых тонких душевных переживаний. В горе и радости; в труде и отдыхе — музыка всегда с человеком... Насколько беднее стал бы мир, лишившись прекрасного, своеобразного языка, помогающего людям лучше понимать друг друга» [1, с. 5].

Основной целью нашего исследования является изучение использования народной музыки и танцев в эстетическом, трудовом, физическом развитии дагестанских детей и демонстрация процесса их нравственно-эстетического воспитания с использованием традиционного и современного опыта. Поставленная цель может быть достигнута на примерах живого, ныне существующего искусства дагестанцев. Хронологические рамки статьи охватывают XX–XXI вв. В статье мы не делали акценты на конкретных хронологических рамках, а постарались на фоне настоящего времени делать экскурсы в прошлое. События XX века в работе описываются более подробно. С середины XX в. в дагестанской традиционной музыке и танцах происходили перемены, но очень медленно, а уже с конца XX в. и особенно в начале XXI в. пошли стремительные изменения.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью сохранения в условиях ускоряющегося мирового глобализационного процесса народного искусства и культуры, в частности, традиций народной песни и танца, которые, если не поддерживать, не развивать посредством эстетического воспитания подрастающего поколения, ускоренно теряют свои позиции.

Дагестанская народная музыка сопровождала жизнь многих поколений наших отцов, дедов и прадедов, своей мелодичностью приводила в восторг, всех, кто когда-либо посещал многонациональный Дагестан. Знаменитая русская певица Любовь Ивановна Кармалина (1834–1903), побывавшая на Кавказе в 1862 г., сопровождая своего мужа Н.Н. Кармалина, генерал-квартирмейстера, который находился в распоряжении командующего Кавказской армией, и оказалась в Гунибе по делам службы мужа, в письме от 18 июня 1866 г. композитору А.С. Даргомыжскому сообщала: «Я собираю дагестанские мотивы и мелодии. Что за дивные мотивы! Их я собрала уже до двадцати пяти. Подобного Вы ничего не слышали» [2, с. 90]. Также профессор Агаев А.Г. пишет: «Ни один композитор и ни один хореограф, даже все композиторы и хореографы вместе не смогут создать такую яркую симфонию красок, звуков, движений, какую творит сам народ» [3, с. 164].

Танцы некоторых народов Дагестана вызывали неоднозначные чувства и эмоции путешественников и исследователей. В частности, А.М. Завадский, в своем докладе о поездке вверх по Андийскому Койсу в 1903 г., отмечал, что «Танцуют хваршинцы...крайне неграциозно. Это все та же лезгинка, но плавности движений нет, скорее танец можно сравнить с виртуозным гимнастическим упражнением. Женщины танцуют плавнее, но без грации. В своих платках с растопыренными руками, в которых держат концы его, они производят

какое-то странное впечатление, а фантазии легко переносят в Вальпургиеву ночь из «Фауста» [4, с. 32].

В дагестанской народной музыке, в звуках чабанской свирели, чунгура, агач-кумуза, кеманчи, зурны, дудука, бубна, барабана, в искрометных национальных танцах выражена искренняя любовь к родине, красоте величественных гор, в них – вся духовная культура народа. Воинственные, героические, детские, колыбельные, игровые, трудовые, песни, связанные с сельскохозяйственными работами, охотничьи и чабанские наигрыши, танцевальные мелодии показывают, что «не отдельные люди, а целые народы в оставленных ими памятниках народной мудрости пытались от имени всего человечества истолковать музыку как потребность и необходимость для развития человека» [5, с. 99].

Первыми «музыкальными инструментами», с которыми сталкивался ребенок были игрушечные деревянные и глиняные «свистелки» («*фитгалан*» – азерб.; «*шутухи*» – агул.; «*фит*» – горс. евр.; «*сызгырчык*» – кум.; «*писпяр*» – лезг.; «*сызгыршык*» – ног.; «*шут*» – табас.; «*щинкьеро*», «*тлонкь*» – авар.; «*щютИтIухи*», «*щюрщютIала*» – лакс.; «*изоттане*» – дарг.), призванные отгонять от ребенка злых духов. Возможно, именно через эти игрушки, созданные взрослыми для детей грудного и самого младшего возраста, каковыми являлись погремушка и свистелка, дети получали первоначальное музыкальное «образование». Обучающими игрушками являлись свистелки, так как благодаря им ребенок знал, что птицы издают мелодичные звуки [6, с. 207; 7, с. 170; 8, с. 42].

Практически везде на Кавказе, где имелись гостевые дома или особые помещения («кунацкая», «нарядная комната») для гостей, хранились музыкальные инструменты (чунгур, кумуз, зурна, тар), как и многие иные престижные и дорогие предметы. Часто приход долгожданного гостя становился поводом для праздника в родственном коллективе, где его принято было развлекать игрой на музыкальных инструментах.

Песни сопровождали ребенка с самой колыбели, вначале оберегали, а затем они становились его неизменными спутниками и в играх, и во время работы, и на досуге [9, с. 109; 10, с. 98; 11, с. 136-137]. Сочетая слова и движения с народной музыкой, мамы убаюкивали детей, исполняли им потешки и пестушки, демонстрировали словесные игры [12, с. 363; 13, с. 322]. Музыкай, рифмованными словами и стишками, ласковыми – песнями, играми пользовались при пеленании, одевании, купании ребенка. [14, с. 58]. Нежные мотивы успокаивают ребенка, при их звучании он переставал плакать, поворачивался в сторону звучания (пения), удивленно замирал и не двигался.

В Грузии дети с раннего возраста учились играть на музыкальных инструментах. Мальчики с 4-5 лет играли на глиняных дудочках, лет с восьми – на тростниковой дудке «ствири», лет с 14 – на свирели из бузины – «саламури», особенно популярной у пастухов. С малых лет, наблюдая за взрослыми, дети обучались песням и танцам [15, с. 101]. На праздниках лет с 12-13 они уже участвовали в танцах наравне со взрослыми.

В совместном труде и на праздниках животноводы и земледельцы мастерили детям свирели, камышовые дудки, барабаны, учили их играть простейшие мелодии, исполнять трудовые песни. Дети младшего возраста чаще упражнялись на простой дудке («дудук»), изготовленной из камышового стебля [16, с. 119]. Музыка для юного исполнителя становилась фактором утверждения своего авторитета, средством добрых форм общения с ровесниками. Когда признанные народные музыканты старшего поколения говорили о своем становлении как профессионалов, они утверждали, что задатки своего музыкального развития получили в раннем детстве. Например, в горах чабаны для защиты своего стада овец использовали свирель, дудку, специальный бубен, который был меньше, чем используемый женщинами-певицами для музыкального сопровождения, барабан, погремушку из бычьего мочевого пузыря, в качестве отпугивающего средства от диких животных и птиц. Этими музыкальными инструментами и предметами они создавали не просто громкие звуки, которые могли испугать и стадо, а создавали упорядоченные ритмические звуки-мелодии.

Народная песня

Народная песня – сочетание родного языка и родной мелодии – представлена различными жанрами: колыбельные, детские, игровые, пестушки, шуточные, трудовые, бытовые, героические, песни-призывы, патриотические, лирические и др. Нет у народа ни одного занятия, которое обходилось бы без песни. Некоторые песни славят общественные ценности (величальные песни), другие высмеивали и порицали антиобщественные поступки (песни-насмешки, песни-проклятия), третьи, как бы проверяя ум, смекалку, загадывали загадки (песни-загадки) [17, с. 8–10]. В песнях отражены буквально все требования к становлению совершенной личности.

Ведущей идеей многих песен являлась хвала труду. В песнях «Мой заработок» (авар.), «Трудовая песня», «Вдалеке клубится пыль» (дарг.), «Песня ковровщицы» (таб.), «Путь девочки», «Чекмень» (ног.) [18, с. 79] народ с помощью музыки и слов сумел выразить и сформулировать ясное понимание «сознательной цели» трудового обучения и воспитания.

Подобные песни служили наилучшим средством закрепления у детей представлений о трудовых навыках.

В наши дни на дагестанских свадьбах, у большинства народов, считается престижным, встречать свадебный кортеж жениха у дома невесты, игрой на традиционных музыкальных инструментах. Как правило, играют барабанщик и зурнач.

Народ предпочитает исполнять песню там, где она соответствует настроению окружающих, семьи, односельчан (на общественных праздниках, свадьбах, приеме почетного гостя, особенно приехавшего издалека). Есть общеизвестное дагестанское выражение: «На похоронах – плачь, на свадьбе – танцуй!». В этой связи следует подчеркнуть, что в Дагестане, как и у всех народов Кавказа,

обязательной нормой в период траура (для родственников первой линии – в течение года, для жителей села – неделю, для родственников – 40, а сейчас 52 дня), считалось совершенно недопустимым музыкальное сопровождение любого мероприятия, не отмененного по какой-то веской причине, если в селении кто-то умер. В некоторых случаях, если за несколько дней до свадебного торжества умер престарелый или долго и тяжело болевший (до нескольких лет) человек, родственники умершего, как правило, сами рекомендовали не переносить свадебное мероприятие. И сегодня соблюдается это правило, учитывая особенно, что для свадебных мероприятий заранее (до полугода) арендуется банкетный зал с частичной предоплатой немалых денег. Безусловно, сам факт такого служил и ныне служит для окружающих средством воздействия на сознание, укрепляет нормы уважения, почитания, признания людей. Но при наличии соответствующих условий считалось обязательным всякое торжество (рождение ребенка, свадьба) сопровождать музыкой и пением. По народному поверью, музыка отгоняет «вредоносные силы» от праздничного мероприятия. У некоторых аварцев есть традиция, по которой, если друг за другом в селе умирают люди, прекращать череду смертей увеселительным мероприятием.

Согласно суфийской традиции ислама, которой придерживаются многие дагестанские этносы, музыка является миниатюрой гармонии всей вселенной. «Музыка помогает нам тренировать себя в гармонии, и именно в этом магия, или тайна, стоящая за музыкой. Так, индийский суфий начала XX века, музыкант, поэт, философ Хазрат Инайят Хан, рассуждая о природе музыки, определяет место и ценность музыки как вида искусства: «Когда вы слышите музыку, которая вам нравится, она настраивает и приводит вас в гармонию с жизнью. Поэтому человек нуждается в музыке; он стремится к музыке» [21, с. 88]. У дагестанских народов получили развитие в основном те музыкальные формы, которые связаны с исламской литургией (чтение Корана, *азан*), с религиозными праздниками (*мавлид*, *нашид*), опирающимися прежде всего на местный музыкальный фольклор.

Песня, музыка в опыте народа служили испытанным средством поднятия патриотического духа. Эту истину подчеркивает пословица: «На целое войско хватит одного зурнача» (авар.). Применение музыки, песни-призыва в бою придавало силы, воодушевляло бойцов и приближало победу. Есть легенда о том, что, в разгар боя городского красного отряда с аскерами Нажмутдина Гоцинского у села Унчукатль, поднялась на крышу дома известная всему селу исполнительница народных песен Хадижат Мударисова. Она звала сельчан биться с врагом насмерть. Как говорят, из тысячи ста аскеров Гоцинского ни один не мог доползти до стен села [22, с. 42].

Народные танцы

Народные танцы в Дагестане многообразны. Их примерно столько, сколько в нем народов (аварский, лезгинский, даргинский, лакский, кумыкский, тат-

ский и др.); сколько населенных пунктов (ругуджинский, акушинский, кубачинский, аштинский, бежтинский, танец «Цовкра», знаменитые коллективные ритуальные – лакская «гиргичу, келебская «сапа», даргинский «тугълааяр» и т.д.); сколько традиционных народных профессий, сколько народных героев и заступников (танец Шамиля, танец Хочбара, танец Шарвели) и т.д. Отражены в народных танцах и (половозрастные особенности взрослого горского населения) возрастные особенности по половозрастному признаку: девичий танец, танец трех джигитов, танец старика и т.д. Не встречались у дагестанцев лишь специальные детские танцы – они по-детски повторяли танец взрослых.

Устойчивость древнейших элементов рисунка танца, делает их ценным историко-этнографическим источником. В них часто сохраняются свидетельства о социальном строе, общественных институтах, верованиях, материальной культуре [23, с. 166]. Горцы издавна использовали танец как форму проведения досуга для формирования физических, трудовых, нравственных и эстетических качеств человека.

Однако надо отметить, что только ко второй половине XX века изменилось отношение к тем (особенно женщинам), кто посвятили себя музыке и сделали танцы и исполнение песни своей профессией.

Дагестанцы, хоть и любили музыку, танцы, песни, считали, что это не должно быть их профессией. Скорее считали, талант игры на музыкальных инструментах, умение петь песни должно быть частью досуга мужчины, для создания праздничной обстановки на общественных и семейных мероприятиях. Дочерям петь песни разрешалось только там, где присутствовали только женщины (на посиделках-помочах, в комнате невесты), или в домашней обстановке, где могли себе позволить находиться дед, отец, братья.

К умению танцевать относились более благосклонно, слыть красиво танцующей девушкой было довольно престижно, если ею соблюдались определенные этикетные правила. Желательно было танцевать только с родственниками или пожилыми мужчинами. Заставлять ждать пригласившего, отказываться танцевать, если для этого не было веских причин (повторное приглашение, развязное поведение во время танца, неприязненные отношения между семьями и т.д.), считалось неприличным, это могло задеть мужское самолюбие.

В прошлом не у всех народов Дагестана женщины во время праздничных танцев должны были ждать индивидуального приглашения. Например, в с. Ругуджа (соврем. Гунибский р-он) мужчина входил в круг на площадку для танца и к нему тут же, после первых па выходила женщина-родственница, иногда две-три почти одновременно с разных сторон. Потом оставалась старшая, другие садились на свое место. Дело в том, что девушек с детства учили, что для мужчины, вышедшего танцевать, большой позор и унижение, если никто из женщин, пока он сделает круг, не выйдет к нему. Коллективным выходом родственницы этого мужчины поддерживали его престиж в обществе.

На свадьбах исполняли как парные, так и групповые танцы. При этом групповые танцы не всегда исполняли хороводом, как например, было принято на

свадьбе у даргинцев, лакцев; или как у некоторых кавказских народов, в частности, у адыгов был популярен своеобразный хороводный круговой танец – «уджхъурай», который по технике исполнения кажется весьма простым – состоял только из ритмических движений тела сначала назад, а затем вперед. К примеру, групповой танец у ругуджинцев исполнялся не хороводом, а одной парой танцоров на площадке в кругу, причем первой танцевать выходила пара самых старших, затем поочередно, следующая пара, и таким образом танец исполняли все, кто находился в кругу [24, с. 55–56]. До 20 пар одновременно, образовав мужской и женский круги, принимали участие в лакском свадебном танце «гиргичу», подробно описанном А.Г. Булатовой [25, с. 166–167]. При этом круг для танцев, которые устраивались, как правило, на квартальных площадках, во дворах (азбарах), а не в помещениях, создавали, густо засыпав площадку соломой, которую периодически окропляли водой, чтобы не поднималась снизу пыль.

Как справедливо заметил руководитель специальной искусствоведческой экспедиции по Дагестану О. Виноградов: «Дагестан – море музыки, ритмов, пластики. Здесь все танцуют с раннего детства и до самой смерти. Горцы отдаются стихии движений целиком, до конца. И это увлекает. А какая сложность и изобретательность движений, какое богатство средств выражения» [26, с. 4].

В народе было принято обучать детей традиционному национальному танцу с раннего детства. Еще в грудном возрасте, вынув из люльки и поддерживая на руках, мать заставляла ребенка под музыку в такт двигать руками и ногами («кIусди бах» – аварское выражение, характеризующее танец младенца). В этом танце был и практический смысл: после долгого лежания в люльке ребенку было полезно размять ножки и ручки.

Девочки проходили свою домашнюю школу женского танца, а мальчики школу мужского танца. Детей специально обучали правилам танцевальных движений, умению прислушиваться к ритму мелодий, нравственным правилам приглашения к танцу и сопровождения партнера – танцевальному этикету, правилам обращения к музыкантам, к старшим, к руководителю торжества и т.д. Большое внимание воспитанию в танце придавали в семье. В минуты отдыха под руководством родителей, старших братьев и сестер, близких родственников дети обучались танцам. Старший выходил в круг, становился ведущим, а дети шли за ним, повторяя буквально все его действия: меняли положение рук, переходили в быстрый пляс и т.д.

Многие родители, родные и близкие стремились воспитывать детей путем непосредственного введения их в танец перед односельчанами. И чем более взросло танцевал маленький ребенок, тем больше одобрительных возгласов и похвалы получал он от своих зрителей. Как правило, хорошо танцующего малыша вызывали в круг для исполнения соло. Иногда партию ему могла составить сестра или другая родственница его же возраста. В настоящее время на свадьбах хорошо танцующую детскую пару родственники поощряют деньгами, которые прямо во время танца дают в руки, как девочке, так и мальчику.

У лезгин, табасаранцев и других народностей Дагестана, например, во время свадебных вечеринок, праздничных торжеств часто можно было наблюдать такие картины. Родители, близкие подзывают к себе мальчика 5–7 лет, напутствуют его перед танцем. Вышедший танцевать, почти как взрослый, ведет в танце ровесницу или взрослую женщину, путем грациозных движений демонстрирует окружающим достойные мужчины качества.

На горских свадьбах нередко можно было заметить воспитательные уроки, когда приглашенная на танец взрослая родственница в процессе танца подсказывала детям движения, свойственные мужчине, выражения танцевальных эмоций, знаков благодарности и т.д. Девочкам, у которых еще не было танцевальных навыков, аналогичным образом прививали их пригласившие ее на танец родственники – мужчины. В результате, со временем дети становились, если не мастерами танца, то хорошими танцорами, могли исполнять различные танцы, демонстрировать в обществе правила образцового поведения на увеселительных мероприятиях. В горах не знали случаев, чтобы юноша и девушка, пришедшие на свадьбу или вечеринку, не умели танцевать, не могли соблюдать в танце общественно принятые нормы поведения, следовать национальным традициям.

Каждое село имело свои танцы, по-своему отражающие особенности быта горцев. И танцы были различные, и танцевать их следовало по-разному [27, с. 47; 28, с. 52]. Все зависело от характера и возраста человека. Многие сельские юноши и девушки демонстрировали свою манеру танца, свои танцевальные движения, достойно выполняемые в ритме выбранной ими мелодии с четким соблюдением правил приличия и уважения [29, с. 26; 30, с. 38]. Связь народного танца с личностью исполнителя была в горах настолько велика, что большинство взрослых имели негласно закрепившиеся за ними танцевальные мелодии. По этому поводу профессор Р.М. Магомедов пишет: «Вся прелесть сельских танцев заключается, что они неповторимы. Плавность в танце чередуется со стремительными, как вихрь, движениями танцора. Каждый из танцующих чем-то хочет отличиться, внести что-то свое» [31, с. 45]. Так народная мелодия становилась личной, а личность, слившись в единое целое с мелодией народа, превращалась в образец красоты родных мотивов, традиционных движений, общественно признанных высоких нравственных и физических качеств. И не только это было поучительным для детей.

Техника исполнения любого танца в Дагестане неразрывно связана с процессом воспитания. Так, например, вовремя танца следовало проявлять уважение к старшим, к женщинам, к гостям, соблюдать определенную градацию: сначала танцуют старшие, затем молодые и дети. У лезгин, например, мужчина, намеревавшийся исполнить подряд несколько танцев, сначала приглашал к танцу уважаемых женщин, затем девушек и, наконец, девочек. При этом соблюдался определенный порядок: сначала приглашались родственницы, затем близкие, а уже потом остальные. Если на вечеринке появился гость, то в знак уважения очередность уступали ему. Ни в коем случае

нельзя было вклиниваться в танец, когда танцевали старшие, смеяться над их неудачными движениями.

У народов, у которых практиковались танцы через приглашение специальным предметом (красиво украшенная палка, зеленая ветка), своеобразная танцевальная эстафета, принятие женщиной приглашения к танцу считалось одобрением ею танцевального партнера. На танец с молодыми людьми, танцующими развязно, вразвалку, имеющими в тухуме и обществе плохую репутацию, женщины шли с большой неохотой. Отказывая в должном внимании такому молодому танцору, женщины как бы давали ему возможность осознать свои ошибки.

Танцы использовались и как форма физического испытания. Среди молодежи и детей проходили соревнования на продолжительность танца, выносливость, на исполнительское мастерство, на знание и умение исполнять танцы родного или соседнего села, других народов и т.д. Наиболее отличившихся танцоров награждали призами.

Особое значение в горах придавали обучению детей отдельным, получившим широкое распространение именно в этом селе или обществе танцам. Народ не представлял себе овцеводов, не способных исполнять чабанские мотивы и танцы; канатоходцев, не умеющих плясать на канате или исполнять танец «Цовкра»; воинов, не знающих танца Шамиля, «Джигиты» и т.д. Эти танцы, воспроизводя сбор винограда, тканье ковра, полотна, прядение шерсти, отражение натиска врагов, популяризировали народные профессии, подчеркивали достоинства канатоходцев, танцоров, демонстрировали мужество джигитов. Танцы, отображающие различные бытовые и профессиональные действия, носили игровой характер. Особенно ярко выглядели они на традиционных народных праздниках: празднике первой борозды, празднике черешни, празднике цветов, проводы чабанов.

Из глубины веков идет у человека понимание танца не как формы беззаботного проведения времени, а как эффективной формы демонстрации физического, нравственного, трудового и эстетического совершенства человека. Лучшие образцы народного танца, являясь одной из действенных форм эстетического воздействия на сознание, развивали в детях хороший вкус, чувство красоты, ритмичность и координацию движений, вырабатывали хорошую осанку, манеры, походку, все то, что испокон веков было и остается необходимым компонентом физического совершенства всесторонне развитой личности.

В настоящее время отношение к исполнителям песен, к танцам в обществе кардинально изменилось. Быть профессиональным певцом, танцором, стало материально мотивировано, престижно, как для мужчин, так и для женщин. По этой причине, родители с удовольствием целенаправленно развивают различные музыкальные и хореографические таланты детей. Но первые азы музыкального воспитания (особенно танцевального), дети получают в семье, на традиционных семейных и общественных праздниках. Народный танец «лезгинка» – яркий показатель духовной культуры дагестанцев – стал популярным

танцем в нашей многонациональной стране, вошел в репертуар многих заслуженных ансамблей и самодеятельных коллективов, завоевал широкую известность за рубежом. Его могут и любят танцевать все, от малышей до старейшин. При этом, каждый танцует его по-своему.

Народная музыка была начальной школой становления дагестанских композиторов М. Кажлаева, Ш. Чалаева, Н. Дагирова, Г. Гасанова, С. Керимова, М. Гусейнова, М. Касумова. Ш. Шамхалова и др. [32, с. 31; 33, с. 34]. Народные песни и танцы стали фундаментальной основой дагестанских народных театров, ансамблей: «Лезгинка», «Песни и танцы народов Дагестана», «Молодость Дагестана», «Казикумух», многих фольклорных фестивалей и праздников. Всеобщее признание получили в республике детские ансамбли народного танца «Асса» и «Виртуозы Дагестана – Счастливое детство» г. Махачкалы.

Дети исполняют разные по ритму и внутреннему содержанию: лирические, шуточные, характерные танцы: «Аварский перепляс», «Татский лирический танец», «Горская лезгинка», лезгинский танец «Кавха», «Кумыкский трудовой танец», «Танец чабана», аварский танец «Ахвах» «Озорные ребята», «Озорные девочки» и др.

Таким образом, посредством музыки и танца народы Дагестана развивали в детях творческие способности и физические качества. Ребенок, получавший на ранней стадии развития художественные, эстетические и нравственные представления о культуре своего народа, края, даже если он затем не становился танцором или музыкантом, на всю жизнь у него вырабатывал умение ценить и понимать прекрасное, что способствовало формированию гармонически развитой личности. Поэтому большое значение имеет приобщение подрастающего поколения к национальной культуре, к традициям дагестанского народа, к его духовным ценностям посредством музыкальной культуры.

В XX в. духовные качества дагестанских этносов стали проявляться в несколько иной музыке: активно начала развиваться городская музыкальная культура – массовая (эстрадная) и академическая. Однако традиционная музыка не утратила свои приоритетные позиции в структуре культурной идентичности, поскольку все жизненно важные события, связанные с обрядами семейно-бытового цикла, по-прежнему связаны с традиционным музыкальным наполнением. Поиск этнической идентичности активизировал этномузыкальную составляющую художественной культуры Дагестана. Проблему сохранения этномузыкальных и танцевальных традиций на современном этапе развития в определенной степени решают семьи, в которых родители и близкие родственники обучают детей танцам, а также многочисленные фольклорные коллективы, создаваемые на базе районных, городских, республиканских учреждений культуры.

Чем раньше народная музыка и танцы войдут в жизнь человека, тем глубже и точнее это искусство займет место в его душе. Все то, что получает ребенок в младенческом возрасте, во многом определяет, что приносит он обществу в будущем. Именно в эту раннюю пору жизни закладываются основы разнообразных

качеств и свойств в формирование личности ребенка, её интересы и способности. Психологи отмечают, что большая часть приобретенного в этот период, усваивается исключительно быстро, и запоминается на долгие годы, порой до конца жизни. Музыка и танцы помогают развивать у детей память, слух, речь, поэтому необходимо уделять пристальное внимание музыкальному развитию детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шостакович Д.Д. Мир музыки // Рассказы о музыке. М.: Музыка, 1968. С. 5–11.
2. Пекелис М.С. Русская певица Л.И. Кармалина // Советская музыка. 1972. № 2. С. 90–96.
3. Агаев А.Г. Патриотизм и интернационализм советского человека. М.: Советская Россия, 1975. 352 с.
4. Завадский А.М. Поездка вверх по Андийскому Койсу // ИКОРГО. Тифлис, 1903. Т. 16. Вып. 5. С. 24–32.
5. Диалоги о воспитании / Под ред.: В.Н. Столетова. М.: Педагогика, 1982. 336 с.
6. Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 252 с.
7. Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2006. 220 с.
8. Мусаева М.К. Традиционные детские игрушки народов Южного Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра РАН. Махачкала, 2009. № 34. С. 40–47.
9. Магомедов З.Н. Об игровых детских песнях табасаранцев и дагестанских азербайджанцев // Фольклор в контексте культуры. Махачкала, 2009. С. 109–110.
10. Хасбулатова З.И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX вв.). М.: Московская типография, 2007. 415 с.
11. Агиева Л.Т. Этнография ингушей. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2011. 551с.
12. Мусаева М.К. О традициях формирования гендерных стереотипов у народов Нагорного Дагестана // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Тбилиси, 2007. С. 363–365.
13. Мусаева М.К. Дагестанский детский фольклор как средство воспитания и социализации подрастающего поколения // Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала, 2007. С. 321–323.

REFERENCES

1. Shostakovich DD. The world of music [Mir muzy'ki] *Stories about music [Rasskazy' o muzy'ke]*. Moscow: Muzyka, 1968:5-11. (In Russ.)
2. Pekelis MS. Russian singer L.I. Karmalina [Russkaya pevicza L.I. Karmalina] *Soviet music = Sovetskaya myzuka*. 1972;2:90-96. (In Russ.)
3. Agaev AG. Patriotism and internationalism of the Soviet people [*Patriotizm i internacionalizm sovetskogo cheloveka*]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1975. (In Russ.)
4. Zavadsky AM. A trip up the Andi Koisu [*Poezdka vverx po Andijskomu Koisu*] *ICORGO*. Tiflis, 1903;16(5):24-32.
5. *Dialogues about education [Dialogi o vospitanii]* / Ed.: VN. Stoletov. Moscow: Pedagogika, 1982.
6. Musaeva MK. *Ethnography of childhood of the peoples of Dagestan (Traditions of the peoples of Low and Southern Dagestan) [E'tnografiya detstva narodov Dagestana (Tradicii narodov Ravninnogo i Yuzhnogo Dagestana)]*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2007.
7. Musaeva MK. *Traditional customs and rituals of the peoples of Nagorno Dagestan associated with the birth and upbringing of children [Tradicionny'eoby'chai i obryady' narodov Nagornogo Dagestana, svyazanny'e s rozhdeniem i vospitaniem detej]*. Makhachkala: DSC RAS Publishing House, 2006.
8. Musaeva MK. Traditional children's toys of the peoples of Southern Dagestan [*Tradicionny'e detskie igrushki narodov Yuzhnogo Dagestana*] *Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Makhachkala, 2009;34:40-47.
9. Magomedov ZN. On children's play songs of Tabasarans and Dagestani Azerbaijanis [*Ob igrovyy'x detskih pesnyax tabasarancev i dagestanskix azerbajdzhancev*] *Folklore in the context of culture [Fol'klor v kontekstekul'tury']*. Makhachkala, 2009:109-110.

14. Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М.: ИЭА РАН, 1995. 130 с.
15. Курбанов М.-З.Ю. Сюргинцы: историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX в.). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2006. 186 с.
16. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985. 360 с.
17. Жанры фольклора народов Дагестана / Отв. ред.: Хайбуллаев С.М. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1979. 223 с.
18. Антология дагестанской поэзии. Т. 1. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1980. 363 с.
19. Волков Г.Н. Этнопедагогика. Чебоксары: Чувашкнигиздат, 1974. 376 с.
20. Мирзоев Ш.А. Народная педагогика: Словесные средства воспитания. Махачкала: Дагучпедгиз, 1984. 112 с.
21. Хазрат Инайят Хан. Мистицизм звука. М.: Сфера, 1998. 148 с.
22. Омаров М.М. Унчукатлинская легенда // Аулы революционной героики. М.: Дагкнигоиздат, 1972. С. 42–49.
23. Курбанов М.-З.Ю. К вопросу об исходной форме в танцевальной культуре буркундаргинцев // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка. Нижний Архыз, 2015. С. 166–169.
24. Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик: Госкомиздат КБССР, 1991. 188 с.
25. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Дагестана в XIX – начале XX века. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. 198 с.
26. «Асият» на берегах Невы // Комсомолец Дагестана. 1984. 30 июня. С. 3.
27. Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. 240 с.
28. Умаханова А.М. Танцевальные традиции агульцев: Формы и жанровые особенности // Вестник Института языка, литературы и искусства ДНЦ РАН. Махачкала, 2015. № 56. С. 46–50.
29. Умаханова А.М. Сценическая интерпретация традиционного хореографического искусства Дагестана. Махачкала, 2008. 175 с.
30. Умаханова А.М. Хореографическое искусство кумыков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1991. 134 с.
31. Умаханова А.М. Хореография народов Южного Дагестана. Махачкала, 1993. 194 с.
32. Коркмасова М.А. Дагестанская симфония: Проблемы становления. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. 104 с.
10. Khasbulatova ZI. *Raising children among the Chechens: customs and traditions (19th – early 20th centuries) [Vospitanie detej u chechencev: oby`chai i tradicii (XIX – nachalo XX vv.)]*. Moscow: Moscow Printing House, 2007.
11. Agieva LT. *Ethnography of the Ingush [E`tnografiya ingushej]*. Maikop: JSC Polygraph-YUG, 2011.
12. Musaeva MK. On the traditions of the formation of gender stereotypes among the peoples of Nagorny Dagestan [O tradiciyax formirovaniya genderny`x stereotipov u narodov Nagornogo Dagestana] *Archeology, Ethnology and Folklore Studies of the Caucasus [Arxeologiya, e`tnologiya i fol`kloristika Kavkaza]*. Tbilisi, 2007:363-365.
13. Musaeva MK. Dagestan children's folklore as a means of educating and socializing the younger generation [Dagestanskij detskij fol`klor kak sredstvo vospitaniya i socializacii podrastayushhego pokoleniya] *The latest archaeological and ethnographic research in the Caucasus [Novejshie arxeologicheskie e`tnograficheskie issledovaniya na Kavkaze]*. Makhachkala, 2007:321-323.
14. Solovieva LT. *Georgia: Ethnography of Childhood [Gruziya: E`tnografiya detstva]*. Moscow: IEA RAS, 1995.
15. Kurbanov M-Z.Y. *The Surgins: Historical and Ethnographic Study (XIX – early XX centuries) [Syurgincy: Istoriko-e`tnograficheskoe issledovanie (XIX – nachalo XX v.)]*. Makhachkala: Publishing house of the DSC RAS, 2006.
16. Gadzhieva SS. *Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries [Sem`ya i brak u narodov Dagestana v XIX - nachale XX v.]*. Moscow: Nauka, 1985.
17. *Folklore genres of the peoples of Dagestan [Zhanry` fol`klora narodov Dagestana]* / ed.: Khaibullaev S.M. Makhachkala: IHLL DagFAN USSR, 1979.
18. *Anthology of Dagestan poetry [Antologiya dagestanskoj poe`zii]*. Vol. 1. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1980.
19. Volkov GN. *Ethnopedagogy [E`tnopedagogika]*. Cheboksary: Chuvashknigizdat, 1974.
20. Mirzoev SA. *Folk pedagogy: Verbal means of education [Narodnaya pedagogika: Slovesny`e sredstva vospitaniya]*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1984.
21. Hazrat Inayat Khan. *The mysticism of sound [Misticizm zvuka]*. Moscow: Sfera, 1998.

33. Якубов М.А. Очерки истории дагестанской советской музыки (1917–1945). Мачхачкала: Дагкнигоиздат, 1974. 188 с.

Статья поступила в редакцию 27.10.2020 г.

22. Omarov MM. Unchukatlin legend [Unchukatlinskaya legenda] *Auls of revolutionary heroics [Auly' revolyucionnoj geroiki]*. Moscow: Dagknigoizdat, 1972:42-49.

23. Kurbanov M-Z.Y. On the question of the original form in the dance culture of the Burkun-Dargins [K voprosu ob isходnoj forme v tanceval'noj kul'ture burkun-dargincev] *Problems of preserving the Circassian folklore, culture and language [Problemy`soxraneniya cherkesskogo fol'klora, kul'tury`iyazy`ka]*. Nizhny Arkhyz, 2015:166-169.

24. Bgazhnokov BKh. *Circassian merry-making [Cherkesskoye igrishche]*. Nalchik: Goskomizdat KBSSR, 1991.

25. Bulatova AG. Traditional festivals and rituals of the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries [*Tradicionny`e prazdniki i obryady` narodov Dagestana v XIX – nachale XX veka*]. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1988.

26. “Asiyat” on the banks of Neva [«Asiyat» na beregax Nevy] // Komsomolets of Dagestan. 1984. 30 June. P. 3.

27. Magomedov R.M. Legends and facts about Dagestan [*Legendy`i fakty`o Dagestane*]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1969.

28. Umakhanova AM. Dancing traditions of the Aguls: Forms and genre features [*Tanceval'ny`e tradicii agul'cev: Formy`i zhanrovny`e osobennosti*] *Bulletin of the Institute of Language, Literature and Art, DSC RAS*. Makhachkala, 2015. № 56:46-50.

29. Umakhanova AM. *Stage interpretation of the traditional choreographic art of Dagestan [Scenicheskaya interpretaciya tradicionnogo xoreograficheskogo iskusstva Dagestana]*. Makhachkala, 2008.

30. Umakhanova AM. *Choreographic art of the Kumyks [Xoreograficheskoe iskusstvo kumy'kov]*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1991.

31. Umakhanova AM. *Choreography of the peoples of South Dagestan [Xoreografiya narodov Yuzhnogo Dagestana]*. Makhachkala, 1993.

32. Korkmasova MA. *Dagestan Symphony: Problems of Formation [Dagestanskaya simfoniya: Problemy`stanovleniya]*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1990.

33. Yakubov MA. *Studies on the history of Dagestan Soviet music (1917-1945) [Oчерki istorii dagestanskoj sovetskoj muzyki (1917-1945)]*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1974.